

МАРИЯ МЕТЛИЦКАЯ



ЦВЕТЫ И ПТИЦЫ

Рассказы и повести Марии Метлицкой

Мария Метлицкая

Цветы и птицы

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Метлицкая М.

Цветы и птицы / М. Метлицкая — «Эксмо», 2018 — (Рассказы и повести Марии Метлицкой)

«...Каринка, как всегда, кричала. Впрочем, чему удивляться? Так проявлялась горячая армянская кровь. В Каринкиной семье никогда не разговаривали на полутонах. Там всегда было шумно – и в радости, и в горе. Аня морщилась от ее громкого голоса, отодвигала трубку от уха – пережидала. Знала, подруга накричится и успокоится. Так бывало всегда...»

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Метлицкая М., 2018
© Эксмо, 2018

Мария Метлицкая

Цветы и птицы

© Метлицкая М., 2018

© ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

Каринка, как всегда, кричала. Впрочем, чему удивляться? Так проявлялась горячая армянская кровь. В Каринкиной семье никогда не разговаривали на полутонах. Там всегда было шумно – и в радости, и в горе. Аня морщилась от ее громкого голоса, отодвигала трубку от уха – пережидала. Знала, подруга накричится и успокоится. Так бывало всегда.

Однако сегодня Каринку несло.

– Слушаешь? – периодически сурово уточняла она.

Анна торопливо отвечала:

– Да-да, конечно! А что же я делаю, по-твоему, господи?

Карина недоверчиво усмехалась:

– С тебя станется!

Анна слушала. Разумеется, слушала. Морщилась, кривилась, но слушала. И понимала – подруга права.

Наконец та замолчала, громко выдохнула и произнесла последнее:

– Ну? Какие действия?

Каринка была человеком действий, кто спорит? А Анна... Анна уж точно таким человеком не была.

– Ну... А каких действий ты, собственно, ждешь? – И торопливо, боясь гнева подруги, добавила: – Нет-нет! Я поняла! Ты, конечно, права! Только... Мне надо подумать.

Каринка опять взорвалась:

– Подумать? Ну да, разумеется! У тебя же совсем не было времени, чтобы подумать! Ты же так занята, правда? Спасибо, что хоть на этот разговор время нашла!

Анна пыталась подругу остановить, понимая, что это труд напрасный и пока Каринка не выскажется, не замолчит.

И все же примирительно сказала:

– Кар, да я все поняла, успокойся! И повторяю, ты, конечно, права. Просто... Это же такое дело... Ну как так – с обрыва? Надо прикинуть, посчитать, наконец. Дело-то очень серьезное.

Каринка перебила:

– Слушай, а у тебя вообще деньги есть? В смысле – отложены?

– Да-да! – заторопилась Анна. – Конечно, а как ты думала? Ты же знаешь меня, я осторожная и аккуратная. И еще – такая трусиха!

– Я не имею в виду деньги на твой обезжиренный кефир и на УЗИ желудка – я имею в виду деньги, Ань! Ты поняла?

Пока Анна медлила с ответом, Карина ответила сама:

– Господи, да о чем я? Что я у тебя спрашиваю? Совсем рехнулась. Какие деньги? Ну какие у тебя могут быть деньги? Нет, это я, Ань, дура, а не ты!

И она замолчала.

Анна тоже молчала, прикидывая, что тут можно ответить. Точнее – соврать.

– В общем, так! – снова вступила Карина. – Путевку я тебе оплачиваю. И никаких вознаграждений! Ты меня знаешь, как я сказала, так и будет! Путевку оплачиваю, а уж все остальное – сама! И кстати! Путевка – это не благотворительность, это подарок на твой юбилей! Мне так

проще, не надо голову ломать: раз – и все, я свободна. А, красота? – Теперь голос Карины чуть поутих, стал мягче. Она понимала, сейчас начнутся баталии.

Анна задыхнулась от возмущения – ты спятила, Кар? Какие подарки, какой юбилей? Я вообще о нем не думаю, вообще забыла! Ты же знаешь, как я отношусь ко всему этому – как я ненавижу свои дни рождения! А уж юбилеи эти... Нет, ты правда рехнулась!

– Ага, – беспечно согласилась Карина, – рехнулась. Короче – хочешь мне облегчить жизнь? Тогда – соглашайся.

И совсем умоляющим голосом добавила:

– Ань! Ну ты же знаешь – мне это вообще ничего не стоит!

Анна вспыхнула и оборвала разговор:

– Все, Кар! Ты меня услышала. Закончили, все. А над твоим предложением я подумаю, обещаю! – со смехом добавила она. – Слышишь, о-бе-ща-ю! – И положила трубку.

Обе понимали – разговор не закончен. Они слишком хорошо знали друг друга.

Анна потеряла горящие от возбуждения и возмущения щеки и прошла по комнате. Нет, Каркино предложение – что говорить? – мечта. Сказка. Но быть ли? Денег, конечно, не было. Нет, они были, но разве это деньги? Каринка права – на обезжиренный кефир и УЗИ. На другое не хватит. А уж на поездку в Италию... Смешно.

На всякий случай Анна залезла в заначку, как будто там что-то могло измениться. Сумма была ей известна до копейки. И прибавиться ничего не могло. Она быстро пересчитала жалкую пачечку долларов и вздохнула. Нет, ничего не получится. К тому же в Италии – евро, а он дороже доллара. И это означает только одно – денег еще меньше.

Она убрала деньги обратно. Нет, и думать нечего! Да и вообще – подумаешь, мечта. Мечта на то и мечта, чтобы оставаться мечтой и не делаться былью.

Анна Валентиновна Березкина, вдова пятидесяти четырех лет – через два месяца пятьдесят пять, – села в кресло и закрыла глаза.

В последнее время, а точнее в последние полгода, она была совершенно свободна. Дела закончились. Хотя, если разобраться, свободна она была всю жизнь. Но теперь это было определено и окончательно – она могла подолгу лежать на диване, сидеть в кресле, смотреть телевизор, читать журнал или книгу. Подолгу пить чай и смотреть старые фото. Болтать по телефону. Правда, болтать было особенно не с кем, да и, честно говоря, неохота. Только с Каринкой. Но это уже судьба. Короче, она могла вообще ничего не делать.

Она могла не готовить обед и ужин, а также завтрак. Могла не варить бесконечный кофе и заваривать крепкий чай. Могла не мыть кисти, не складывать подрамник и краски. А еще не звонить заказчикам и галеристам. Не гладить рубашки и брюки. Не вытирать бесконечно, по сто раз на дню, пыль – в доме больше не было аллергиков.

В доме вообще больше никого не было. Кроме нее, Анны Валентиновны. Потому что ее муж, Игорь Березкин, умер, и она стала вдовой. Потому что закончилась старая жизнь и началась новая. Анна Березкина осталась абсолютно одна. Одна на всем белом свете – Каринка не в счет. Ни родителей, ни детей у Анны Березкиной не было. Да и с родней было не очень – хотя, может, это и хорошо?

Анна Березкина всегда принимала действительность так, как ее преподносила судьба. И никогда не роптала. Никогда. Ни разу в жизни. И даже наоборот – считала себя счастливым человеком.

Вот уж воистину – прекрасное свойство натуры! И вправду счастливая – ни на кого не обижена и за все благодарна. Счастливица, верно?

Нет, разумеется, она не воспринимала уход мужа как счастье – господи, да о чем вы? Это было огромное, бесконечное и безбрежное горе – столько лет вместе, вся жизнь. Вся ее жизнь – это Игорь Березкин. Которому верой и правдой она прослужила тридцать четыре года.

Всю жизнь она жила *во имя. Ради. Для.* Для него, во имя него, ради него. Он был талант. Большой талант. Большой и, кстати, всеми признанный – что тоже не пустяки.

Анна была «при». При великом муже. Тень, дух, отсвет, отражение, отблеск. Была почти бесплотна и даже гордилась этим. Двух гениев в одной семье не бывает! Эта фраза стала ее лозунгом, идеей фикс, девизом и смыслом жизни – служить гениальному мужу. Служила она ему верно и рьяно. С собачьей преданностью, как говорила Карина.

С его уходом Анна потеряла все. Потеряла сам смысл жизни – вот что было страшно. Она почти не выходила из дома, только в магазин за самым необходимым. Ни в театр с Кариной, ни в кино. Никуда. Никаких развлечений и увеселений. Впрочем, какие увеселения у немолодой женщины, всю жизнь живущей жизнью другого человека? Она давно отвыкла от себя и от своих желаний. После ухода Игоря, Гарика, как она его называла (по его, кстати, просьбе), Анна Валентиновна, тихая и скромная, выдержанная и невозмутимая, неконтактная, совершеннейший интроверт, совсем замкнулась в себе. Общалась только с Каринкой – ну тут уж, как говорится, распорядилась судьба. Всю жизнь рядом – вместе с детского сада до институтской скамьи и дальше. Никогда они не терялись, надолго не расставались, серьезно, до трагического разрыва, не ссорились, несмотря на категорически несхожие характеры, противоположные судьбы и вообще непохожие во всем, включая социальное и финансовое положение.

Говорят, что мужчина – это судьба в жизни женщины. Но и подруга бывает судьбой, вы уж поверьте.

Первая встреча девочек состоялась под ноябрьские праздники в детсаду «Елочка» под бравурный марш чокнутой музработницы. Нарядные дети, держась за руки, входили в актовый зал и вставляли полукругом вокруг композиции, любовно составленной все той же чокнутой музработницей – искусственный венок из пластиковых листьев, почти кладбищенский, увитый алыми лентами и транспарантом «Слава КПСС! С великим праздником революции, дорогие друзья!». Дети ничего не понимали, были напуганы, сбивались с ноги, спотыкались, жались друг к другу, толкались плечами и по очереди начинали рыдать – музработницу они боялись, куплеты тут же позабыли и очень хотели к родителям, сидевшим на стульях напротив. Но никто к ним не рванул – музработница, сурово сдвинув брови, исподтишка погрозила малышне кулаком. Все кое-как разместились и недружно завyli: «И Ленин такой молодой, и юный Октябрь впереди!»

Родители каменели от ужаса происходящего: пластиковый венок, криво написанный транспарант и насмерть перепуганные дети – вот уж кошмар так кошмар! Вдруг одна девочка, высокая и толстая, вырвалась из нестройных рядов запевал и бросилась к матери, такой же черноволосой, полной и яркой женщине, в крупных и длинных серьгах и красном шелковом платье. Женщина прижала девочку к груди, утерла ей слезы и, взяв за руку, резко и решительно вышла из актового зала, бросив у двери гневный и красноречивый взгляд прекрасных горячих восточных глаз на горе-музыкантшу. Мотнув красивой головой, с возмущением произнесла:

– Господи, детям – и такую чушь! Вы совсем обалдели!

Музработник смутилась, залилась свекольной краской, и ее крупные рабочие руки повисли над клавишами. Она заморгала глупыми и блеклыми глазами:

– Что это, как? Кто посмел? Посреди праздника?

И родители, и воспитатели, и дети проводили восставших растерянными взглядами. Воцарилась тишина.

Но тут сообразительная заведующая взмахнула рукой:

– Продолжайте, Раиса Петровна, не обращайтесь внимания!

И праздник пошел своим чередом.

На следующее утро толстую чернявую девочку Аня встретила в раздевалке. Та внимательно, по-взрослому, посмотрела на заробевшую Аню и наконец со вздохом сказала:

– Ну что, будем дружить? Я Карина.

Аня захлопала глазами и тут же кивнула: она вообще не умела отказываться. Новая подруга взяла ее за руку, слегка дернула и вопросительно посмотрела на нее:

– Ну чего встала? Идем?

Анечка закивала и быстро засеменила вслед за новой подругой. Уже тогда, в раннем детстве, она была ведомой, и эта роль ее ничуть не угнетала – каждому, как говорится, свое.

За завтраком сидели парами – мальчик с девочкой, детей рассаживали воспитатели. Но новая подруга решительно села рядом с Анечкой, отпихнув конопатого и тишайшего, влюбленного в Анечку и мгновенно заревевшего Вову Кулакова.

– Она будет сидеть со мной! – сурово объявила Карина.

Обалдевшая Анечка снова покорно кивнула. Правда, и Вовку ей было жаль. Но что поделать? Спорить с Кариной смысла не было – в свои неполных пять лет она поняла это сразу, в ту же минуту. Поняла и усвоила навсегда. Так началась их дружба.

Кажется, хмурую и очень бойкую девочку побаивалась даже воспитательница – по крайней мере есть манную кашу Каринку не заставляли, в тихий час над ее кроватью с суровым взглядом не стояли и не заставляли Каринкину мать завязывать дочери на праздники капроновые банты – какая безвкусица, господи!

Позже выяснились подробности. Каринка жила в том же доме, что Аня. Только Аня жила давно, сто лет, с самого своего рождения, а Каринка переехала туда совсем недавно – месяц назад. Дом стоял полукругом, и оказалось, что квартиры девочек строго напротив – на пятом этаже окна Анечки, на шестом – квартиры Каринки. Окна в окна. Каждое утро, и в будние дни, и в выходные, и в праздники или в каникулы, строго соблюдался ритуал: в восемь утра – приветствие, свидание у окна. Ну а уж в дальнейшем была разработана система опознавательных знаков: три взмаха – все ок, через полчаса во дворе. Четыре – не, попозже, дела. Ну и пять – сегодня никак, увы!

Каринка жила с матерью и дедом с бабкой. Все ученые-биологи. Дед, бабка – профессора. Мама, та самая строгая, яркая и красивая женщина в крупных серьгах, Нуне Аветисовна, – тоже профессор.

Дед, Аветис Арамович, считался в семье главным. Его боялись и с ним считались. Даже суровая Нуне, его дочь, старалась с ним не связываться. А уж его жена, бабушка Каринки, Нина Константиновна, та вообще помалкивала. «В этой армянской семье я бесправна!» – восклицала она, возводя глаза к потолку.

Лет в двенадцать Каринка открыла Ане страшную тайну: «Бабка боится деда? Да ты о чем? Это она делает вид! Все делают вид – и мама, и я. А на деле – всем заправляет бабка Нина! Крутит им, как коровьим хвостом. Уж ты мне поверь!»

Аня, привыкшая к тишине и разговорам вполголоса, вздрагивала, попав в шумный дом. Каринка смеялась: «Привыкай! Итальянский двор, а не семья – здесь говорить тихо никто не умеет. Здесь даже молчат громко! Ха-ха».

И вправду, все говорили так, что поначалу Анечка пугалась: скандал? Нет, не скандал – отношений не выясняют, просто что-то по-семейному обсуждают. А если и выясняют отношения, все равно это не скандал и не ссора – это нормально, это забота. Это любовь.

Нина Константиновна, например, всегда возмущалась: «Я, между прочим, тоже профессор и доктор наук! А вожусь целый день у плиты – подай, принеси, убери. Я не прислуга, вы меня слышите? Я – самостоятельная единица!»

«Единица! – хмыкал дед и со смешком добавлял: – Принеси-ка мне чаю! И с бутербродом. Обеда у вас не дождешься!»

И Нина Константиновна, ворча и сетуя, тут же несла мужу чай.

Про обед это тоже вранье – обед в семье был. Всегда. И какой! В доме всегда вкусно пахло – травами, пряностями, специями, мясом и крепким бульоном.

Нуне, мать Каринки, целыми днями пропадала в университете, где преподавала. Аветис Арамович ездил в свой институт три раза в неделю – за ним приезжала «Волга» с водителем, и бабушка Нина торжественно выводила его во двор – уже тогда он страдал артритом и ходил тяжело. Нина Константиновна смахивала ладонью невидимые пылинки с черного костюма мужа и поправляла галстук. Тот раздраженно отмахивался, ворчал и гнал жену домой. Но глаза его были полны любви. А она оставалась во дворе до последнего – пока черная «Волга» не скрывалась за поворотом. Тогда она крестила вслед воздух и, тяжело вздохнув, шла к подъезду, бормоча по дороге: «Ну, слава богу! Хоть передохну пару часов».

Но отдыхать ей было некогда – хозяйство. Она бесконечно готовила, убирала, стирала и гладила. Работала она, писала статьи в научные журналы и рецензии на диссертации, по ночам, «когда все утомонились и оставили меня наконец в покое».

Каринкиного отца Аня никогда не видела. Лет в четырнадцать осмелилась спросить. В ответ услышала: «Да и я его ни разу не видела! Нет, конечно, он был, существовал – ну не от святого же духа я родилась. Только ничего у них с Нуне не получилось – даже женаты не были, насколько я знаю. Так, случайная связь. Отец для меня – дед, ты и сама знаешь. Кто он, мой отец? А черт его знает! Вроде какой-то дедов аспирант. А может, и нет. Подробностей я не знаю – эта тема в семье закрыта. Да и меня, если честно, это не особенно волнует – раз его нет в моей жизни, значит, дрянь человек. Нормальный ведь от ребенка не отказался бы, верно?»

У Ани все было по-другому. Семья была полной – и мать, и отец. Оба были людьми тихими, незаметными – инженеры-проектировщики, работали в одном КБ. Жили скромно и скучно – гости бывали редко, в отпуск ездили в пансионаты по профсоюзной путевке, радуясь дешевизне. Ну и в санатории – Ане казалось, что лечились они всегда. Нет, пару раз съездили к родне отца в Кострому – вот и все воспоминания из детства. Позже Аня поняла – и мать, и отец были людьми неинтересными и скупыми, вечно что-то откладывали, сберегали.

В семье была любимая фраза:

– Этого мы себе позволить не можем!

Произносились она, что удивительно, с большой гордостью.

«Дорого и неразумно» было принимать гостей. Шить на Новый год новое платье ни к чему – еще и старое вполне ничего, подумаешь, праздник! Дорого ходить в театры. А уж про кафе смешно говорить! Неразумно покупать новые сапоги – старые можно снести к обувщику и поставить свежие набойки. Пальто перелицовывались, каблук переклеивались, кипятилок в заварной чайник заливался по четыре-пять раз, до белого цвета. Скатерть штопалась, носки тоже. Из средней курицы делался скучный обед на пять дней. Бульон из костей – мясо обдиралось до крошки. А потом это мясо мелко резалось, даже крошилось, и из него мама делала второе – тушила с картошкой или рисом, все. Немного соли – вредно для здоровья – и никаких специй – у всех больные желудки.

Мама пугалась, что у дочки нет аппетита – таскала бедную заморенную и бледную девочку по всевозможным врачам – глисты? Кислотность? Катар желудка? Ничего, слава богу, не находили – так, низковат гемоглобин. «Гранаты, печенка, черная икра – все, справитесь быстро, – уверенно сказала участковая врач. – Таблетки давать не хочу, такие цифры легко поднимете продуктами!»

Мама расстроено молчала. Поехали на рынок. Аня была там впервые в жизни, и все ее потрясло. Какие розовобокые, крупные яблоки! Какие невозможно красивые и ароматные огурчики и помидорчики! Кислая капуста, соленые помидоры, черная и красная икра, копченая рыбка – вдруг захотелось всего и сразу! Аня глотала слюну.

Мама долго мяла гранаты, чем вызвала раздражение черноусого важного продавца. Долго и нудно торговалась и наконец взяла два некрупных. Аня видела, как насмешливо смотрел на них черноусый. Взяли и кусок бордовой блестящей печенки, пахнувший кровью. «Парная!» – важно сказала мама.

Но гемоглобин у Ани не поднялся, и на рынок они больше не ездили. На следующем приеме, сдав повторно кровь, удивили врачей.

– Странно! – растерянно сказала она. – Ну что ж, давайте таблетки!

Нет, родители Аню, конечно, любили. Как умели любить – себя, друг друга и весь окружающий мир, включая и ее, их единственную дочку. Позже Аня поняла – с аппетитом у нее всегда было нормально. Не любила она мамину еду, а вот еду Айвазянов...

В семье Айвазянов постоянно стоял дым коромыслом, как говорила Нина Константиновна. Частенько наезжала родня из Еревана и Масиса. По полгода гостила семья сестры из Цахкадзора. Сотрудники Аветиса Арамовича, студенты Нуне Аветисовны, подруги Нины Константиновны – дом гудел, как котел.

Без конца женщины торчали на кухне – лепили борачи, что-то вроде наших пельменей, ловко крутили долму, закладывая ее в семилитровые казаны, варили густой фасолевый мшош и арису – кашу из дзвара, пшеничных зерен и вареной курицы.

Аня с тоской вспоминала обеды и ужины в своей семье, а также завтраки: геркулес на воде – очень полезно – и овощной суп – Аня называла его «скучным супом». Паровые тефтели – профилактика гастрита, жидкие кисели, пюре на воде – молока чуть-чуть, полстакана. А уж масла ни-ни! Вареный хек – та еще гадость.

У Айвазянов она, «страдающая отсутствием аппетита», по твердому убеждению мамы, с радостью уплетала и долму, и борачи, и густые, пряные, ароматные супы. Если бы мама видела! Глазам бы своим не поверила.

Гостей у Айвазянов любили, никогда от них, казалось, не уставали.

В Аниной семье гостей побаивались – у мамы округлялись глаза, когда она слышала, что на выходные приедет папина сестра из Костромы: «Господи, чем мы ее будем кормить?»

Анина мама боялась всего – грозы, жаркого лета, нехватки денег, кошек и собак, а также комаров и ос, родственников и насморка. Расстроить и довести ее до слез мог любой пустяк – дырка на чулке, перекипевший суп, косой взгляд начальницы, засохший кусок батона, подкисший творог и грустная концовка фильма или книги. Глаза ее тут же набухали слезами, и Аня беспокойно оглядывалась по сторонам – не видят ли люди? Стеснялась. Мама была болезненной, слабой и скромной – даже передать в автобусе мелочь на билет было для нее мукой и испытанием.

Мама с папой были похожи друг на друга как брат с сестрой, даже внешне – светловолосяные, бледноглазые, белокожие. А уж характеры – папа тоже всего стеснялся, остерегался и шугался, даже со слесарем из ЖЭКа робел.

Но в целом жили неплохо. И уж точно – спокойно. В доме Айвазянов Ане казалось, что она попала в другой мир, где всегда шумно, громко, весело, смешно, интересно и очень вкусно. Как она всегда любила бывать там, в этом ярком и пестром доме. И как ей было там хорошо!

А вот Каринка гостить у нее не любила: «Скучно у вас! Как в больнице».

В школу тихая и незаметная Аня и яркая, шумная Карина – заводила, борец за справедливость и безусловный лидер во всем – пошли вместе. Естественно, в один класс. После школы Аня поступила в Полиграфический – она всегда хорошо рисовала. А Каринка, естественно, в универ, на биофак. «Мне туда по судьбе написано, – усмехалась она. – Династия, блин!»

На втором курсе Аня вышла замуж. Все откровенно удивились – и ее собственные родители, и Айвазяны: «Надо же, наша тихая скромница Анечка!» Поддержала ее только Нина Константиновна: «Правильно, Анечка! Чего ждать? Так можно и до пенсии прождать. Любишь – выходи! И сразу рожай, непременно. Пока силы есть», – грустно добавляла она, наверняка думая о своей одинокой незамужней дочке Нуне.

Анин избранник Игорь Березкин был, что называется, «подающим надежды». Во всяком случае так говорили преподаватели. А вот Анечку все в один голос называли талантом – ее офорты и акварели были признаны лучшими на всем курсе. Она делала и иллюстрации – и

здесь ей прочили хорошее будущее. Но больше всего она любила писать цветы. Цветы и птиц. И они выходили у нее «как живые».

Свадьбу справили тихую – своих денег у молодых, естественно, не было, а родители громкого торжества не хотели. «Мы не купцы, а простые советские служащие!» – гордо повторял Анин отец.

Родители Игоря вообще к их решению пожениться отнеслись, мягко говоря, скептически. Впрочем, будущий Анин свекор, народный художник, давно жил своей жизнью и имел вторую семью. Мать же была женщиной болезненной и закрытой. На свадьбу она пришла одна – отец был в отъезде. Сняли скромное кафе и тихо-мирно посидели маленькой компанией – родители молодых и несколько друзей жениха. Со стороны невесты была одна подруга – Карина. Та оглядела жениха и вынесла беспощадный вердикт:

– Этот тебя прижмет и утопит. Будешь под ним и не пикнешь ни разу, я тебя знаю. Эх, Анька! И чего тебя занесло? Жила бы себе... Залетела? – вдруг испугалась она.

Анечка рассмеялась:

– Да нет, не волнуйся, никакого залета, все исключительно по любви и доброй воле.

– Ну то, что по любви, я поняла, – отозвалась подруга. – Ты сама не своя, глаза сумасшедшие. Я тебя такой никогда не видела. Что поделать – несчастный случай! – И с сомнением добавила: – Пусть все будет нормально! Ты же знаешь, Анька, как я тебе желаю этого – наверное, больше, чем все остальные. Но этот твой Березкин...

Аня беспечно махнула рукой – да что Каринка понимает в любви? Пока что вон сидит на печи, как Илья Муромец. И сколько еще просидит – одному богу известно. Кавалеров у нее не наблюдалось, увы. Но подумала она об этом без тени злорадства. Злорадство было Ане абсолютно не свойственно. Тем более когда дело касалось лучшей и единственной, горячо любимой подруги.

После свадьбы устроились в мастерской Игоря. Нет, не так – откуда у него мастерская? Мастерская принадлежала его отцу, известному художнику Сергею Березкину. Только, по счастью, сам народный художник там появлялся редко: проживал он у любовницы – такие вот нравы.

Маленький полуподвал на Масловке был темным, сыроватым, пах мышами. Две комнаты и вечно текущий душ, пользоваться которым было невозможно. Крошечный, одно название, туалет. Для жилья это место было не приспособлено. Но надо было устраиваться – жить у родителей Ани и в голову прийти не могло. В прихожей, размером с бочку, поставили электрическую плитку и повесили дачный рукомойник с ведром – там мыли и руки, и посуду. Ели в комнате, там же и работали. Вернее – там работал муж. А Аня... Аня работала, когда он уходил по делам – ей казалось, что он недоволен, если она занимается не им и не хозяйством, а так, ерундой.

Поймав пару раз удивленный и недовольный взгляд молодого супруга, она тут же убрала папку с набросками. Как оказалось – навсегда. Двум талантам в семье будет сложно, значит, талант в доме будет один – Игорь Березкин. А Аня станет его верной женой, поддержкой, крепостью, гаванью – чем угодно. «Лишь бы у него все сложилось», – думала она. И, надо сказать, эта роль ее вполне устраивала – она так любила мужа, что все остальное, включая ее карьеру, казалось незначительным, пустяковым, совсем не важным.

Два первых года после женитьбы она все же работала – преподавала в районном Дворце пионеров и школьников. Но то и дело ловила недовольный взгляд мужа – ты опять на работу? И в конце концов уволилась. Теперь она принадлежала только ему.

Амбиции, честолюбие и тщеславие у нее отсутствовали абсолютно – ну как, скажите, как при таком характере сделать карьеру? Зато амбиции были у мужа, да столько, что хватило бы не на двоих – на пятерых!

Отношения между отцом и сыном Березкиными были сложные. Народный, как иронично называл его сын, был и вправду человеком малопривлекательным – неразговорчивым, хмурым, вечно всем недовольным и капризным, с неизменно оттопыренной нижней губой и брезгливой гримасой на красивом, породистом лице. Когда свекор появлялся на пороге мастерской, почти всегда назревал скандал – Народный всегда находил причину, чтобы прицепиться к сыну или к невестке. Аня, чувствуя накаленный воздух, тут же бросалась предлагать чай или кофе, обед или ужин. Ей всегда хотелось поскорее раствориться, исчезнуть перед его появлением, поэтому она старалась оставить отца и сына вдвоем – пусть разбираются сами.

В первые же годы непростой жизни на Масловке тихая, робкая Аня научилась сражаться с водопроводчиками и электриками – они требовались так часто, что, казалось, были прописаны в этом полуподвале. Старые трубы текли, ветхий туалет постоянно засорялся, отопление не работало, и то и дело вырубалось электричество. Горячей воды не было вообще. Муж делал вид, что все это, все эти мелочи, весь этот быт и бестолковая, пустая суета его вообще не касаются – он творил. Аня бегала в ЖЭК, научилась скандалить и требовать. Денег постоянно не хватало – у художников всегда неровные заработки. Тогда она научилась еще и экономить, покупать, где дешевле, варить суп из топора и даже принимать на эти крохи гостей – муж любил, когда к ним приходили друзья. Не было не только денег, но и продуктов. А условия? Как можно было приготовить на приличную компанию под алюминиевым рукомойником и на одноконфорочной электроплитке? Ничего, Аня справлялась. Только чего это ей стоило...

Накануне выходных она моталась по магазинам в надежде что-либо достать. Притаскивала огромные, тяжеленные сумки – свекла, картошка, морковь. Крошила ведро винегрета. Счастье, если попадались селедка или сыр, шпроты или сайра – можно было соорудить бутерброды. Килька – вообще красота! Анины бутерброды с килькой и вареным яйцом на бородинских гренках славились на всю Москву. А потом начинался бесконечный кофе. Кофе, кофе, кофе. В кастрюле не сваришь – осудят, эстеты. И приходилось бегать туда-сюда с туркой – одному, второму, третьему. И снова первому, господи!

Гости уходили далеко за полночь – богема. Муж тут же шел спать, а она часами убирала, мыла холодной водой посуду под рукомойником и иногда плакала. Нет, судьбу не проклинала – она была счастлива. Просто очень уставала, вот и все.

Именно тогда, в те первые годы их жизни, Аня сделала три аборта: «Какие дети, о чем ты? Нет, ничего и слышать об этом не желаю! В этом подвале? Ты спятила, Аня!» И она, поплакав, шла в поликлинику за направлением в больницу. После последнего, третьего, больше ни разу не забеременела. «Ну, значит так, – отплакав, решила она. – У меня есть ребенок, мой муж. И мне этого вполне достаточно».

Карьера Игоря сложилась удачно – правда, помог в этом ему все же Народный, то есть отец и свекор. Как? Да очень просто – на свою персональную выставку пригласил сына. И все, дело сделано. Тут же подросла парочка статей – династия, Игорь Березкин и Сергей Березкин. Игорь Березкин – достойный продолжатель дела отца, ну и так далее. И новый поворот в судьбе – кто-то увидел в его масштабных полотнах театрально-киношное будущее и пригласил в театр художником-постановщиком. И у Игоря получилось. «У талантливого человека получается все! – с гордостью говорила Анна. – Все, за что он берется». После первой и очень удачной постановки Игоря Березкина стали приглашать во многие театры, а потом и в кино, к самым культовым и известным режиссерам.

Как же Аня гордилась своим мужем! Ну и он гордился собой. Правда, после признания и большого успеха он стал еще капризнее, еще требовательнее, еще нетерпимее к ее промахам.

Очень скоро появились деньги – следствие успеха. Через пять лет они построили трехкомнатную квартиру на Кропоткинской – вот уж счастье!

Правда, теперь мужа частенько не было дома – командировки, другие города, фестивали – ну, все понятно. Нервничала ли Аня, когда он уезжал? Пожалуй. Только не давала этим мыслям ходу – тут же себя останавливала.

Конечно, понимала: там, в этой тусовке, полно молодых и красивых женщин – актрис, певиц, танцовщиц, да кого угодно.

Игорь никогда не предлагал ей поехать вместе с ним, но однажды она попросилась. Экспедиция – а это было большое, масштабное кино – была в интереснейшем месте, на Байкале. Как ей хотелось туда! Но муж с возмущением ее оборвал: «Не надо путать дом и работу, Аня! Там я работаю, а здесь я живу!»

Глупость какая: и режиссеры, и операторы, и актеры брали в экспедиции своих близких – и детей, и даже нянек и бабок, чтобы следить за ними.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.